

Вайзберг, Полозов, А. Карцева, ОЗО, Нуркин, Каскин, Белла, Кэрл

Денис Барменков

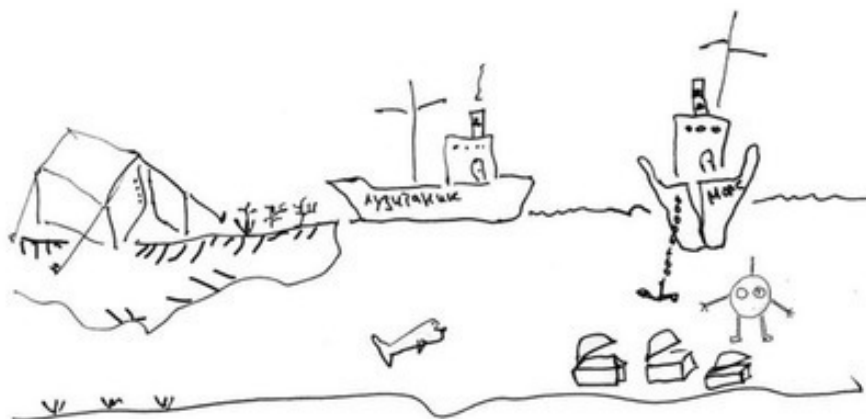
часть 1
АРКТИКА
“Антарктический Чай”

часть 2
АТЛАНТИКА
“Новый год”

часть 3
ТИХИЙ ОКЕАН
“Придонные кроты”

Светлой Пью, Белый Негр

пингвины, придонные кроты



Мари, я, Ножовкин, жена Вайзберга, Лыжник-На-Снегу

Денис Барменков

Часть 1. Арктика.

«Антарктический чай».

Часть 2. Атлантика. «Новый

год». Часть 3. Тихий океан.

«Придонные кроты». Трилогия

«Издательские решения»

Барменков Д.

Часть 1. Арктика. «Антарктический чай». Часть 2. Атлантика.
«Новый год». Часть 3. Тихий океан. «Придонные кроты». Трилогия
/ Д. Барменков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935580-5

Три веселых приключенческих истории, объединенные темой абсурдных задач, поставленных Президентом компании Вайзбергом перед группой молодых авантюрных людей. Герои обладают неистощимым оптимизмом, находчивостью, юмором и верой в себя.

ISBN 978-5-44-935580-5

© Барменков Д.
© Издательские решения

Содержание

Антарктический чай	6
Новый год	21
I часть	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Часть 1. Арктика. «Антарктический чай».
Часть 2. Атлантика. «Новый год». Часть
3. Тихий океан. «Придонные кроты»
Трилогия

Денис Барменков

© Денис Барменков, 2019

ISBN 978-5-4493-5580-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антарктический чай

Сквозь плотную стену снега, ветра и льдинок светило множество огоньков. То были глаза пингвинов, которые в сей жуткий арктический час пожирали суть жизни Полозова. Душа Полозова, заметив, что дело ее уничтожается таким нескромным способом, взыграла в злобном ключе, и тело Полозова пнуло близжущего пингвина. Маленькие глаза пингвина мутно глянули на Полозова и выразили потустороннее чувство досады. Полозов скинул винтовку и всадил пулю в эту ненавистную морду. Тотчас множество огоньков устремили свои лучи на Полозова и тот оказался освещен как суровая набережная в момент салюта.

– Это ты зря, – услышал Полозов шепот, принадлежащий его напарнику Лыжнику-На-Снегу. Шепот вызвал неприятную дрожь в коленях и картины: «Полозов, разорванный пингвинами», «Смерть в Арктике», «Убийство в снегу». Эти образы последней минуты привели Полозова к мысли, что надо убираться куда подальше.

Минут через тридцать они ввалились в палатку, где их ждала еще одна участница экспедиции: Аня Карцева. Она представляла из себя жизнерадостное существо, чем оттеняла постоянную ненормальную мрачность Полозова и безрассудные походы «в никуда» Лыжника-На-Снегу, который с какой-то идиотской настойчивостью неделями бродил по Арктике.

– Как дела? – не обращая внимания на злость Полозова, весело спросила А. Карцева. Она до определенного момента умела пропускать проблемы мимо, заявляя: «да ну их к Аллаху!».

– Полозов ничего не ответил, Лыжник-На-Снегу ответил, что дело дрянь и с виду собрался в свой поход. А. Карцева скисла.

– Все?

– Опять все, – бесчувственно проговорил Полозов и улегся на топчан.

Вайзберг сидел дома и грустно держал лист телеграммы, текст которой гласил: «Пингвины. Один убит. Посевы уничтожены. Арктический комплекс компании Антарктический Чай: Полозов, Лыжник-На-Снегу, А. Карцева».

Вайзберг сидел и тупо смотрел на свое отражение в зеркале, которое казалось еще тупее. Его жена ласково провела рукой по затылку Вайзберга и замерла. Вайзберг ощутил стройное тело жены и руки, вытягивающие рубашку из брюк. Теплые ладони шелком юркнули под ремень и Вайзберг немного просветлел. «Жизнь имеет свою прелесть», – подумал он и удобно расположился на мягком ковре.

– Дела, в общем, ничего, – вспоминая ковер, обратился Вайзберг к членам правления компании «Антарктический Чай».

– Ничего? – вскричал Около-Земно-Орбитов (сокращенно Озо). – Да весь чай пожран! Куда же еще «ничего»?

– Выпейте хереса, – посоветовал ему Каскин, который отличался тем, что с опаской относился к заявлениям типа «все плохо». В матрацность жизни он не верил и советовал всем выпить хереса, даже если ему говорили: «все хорошо». У него была своя теория, что человек тогда счастлив, когда глаза его вылезают из орбит, а сам он бормочет всякую чепуху, в которой слов «все прекрасно» нет и в помине. Озо же считал, что надо правде смотреть в глаза и что все хуже некуда и лучше стать не может. Его полностью поддерживал Дуплов, в противовес Нуркину, слова которого были: «Все здорово и с каждым мигом все здоровее».

Пить Озо отказался и воинственно заявил, что идею Антарктического Чая воплощать далее глупо. Нуркин, стряхнув со стола чайники, ответил, что надо еще попробовать. Дуплов, решив, что выпить было бы хорошо, да нечего, встал и присоединился к Озо. Разгорелся спор, во время которого члены правления кидались друг в друга всяким мусором и какими-

то липкими пирожками, отчего на одежде оставались гнусные пятна. Вайзберг в это время махал руками, кричал, что надо найти биолога и пытался отлепить от себя пирожки. Наконец пирожки кончились, наступила тишина, в которой грохнул возглас Вайзберга:

– Биолог!

Озо, Дуплов, Нуркин, Каскин оглядели Вайзберга, как будто он занимался чем-то неприличным, и с видом: «Что здесь делает этот умалишенный?», пожали плечами.

– Нам нужен биолог, – более спокойно сказал Вайзберг и сел на стул.

– Зачем? – выразил общее недоумение Дуплов.

Вайзберг встал. Он всегда менял свое положение в пространстве перед тем, как начинал мысль или фразу. Иногда эта привычка доводила Дуплова до истерики, ему надоедало мельтешение Вайзберга, когда на того находил мыслительный зуд.

– Биолог придумает как отпугнуть пингвинов. «Гениально!» – тихо пронеслась мысль Дуплова, в которой все уловили долю сарказма и иронии.

Вайзберга дуновение мысли Дуплова не коснулось, и он продолжал распространяться, что они найдут биолога, биолог найдет способы отпугнуть пингвинов и, тем самым, они найдут выход, а отсюда – реализуют свою идею и получают кучу денег. Идея эта возникла пару лет назад вследствие прочтения Вайзбергом журнала «Новые медицинские препараты растительного происхождения», где в разделе «Антарктика» рассказывалось об удивительном растении – Антарктическом Чае. Чай обладал неоспоримыми лечебными достоинствами, как то: профилактика радикулита средних пальцев, профилактика заплетания левой ноги за правую, лечение острого паровоза (заболевание, при котором человеческая деятельность имеет КПД паровоза), лечение несостыковавшихся позвонков, а также он обладал тонизирующим действием на кору головного мозга и в особенности на канал спинного мозга. Это настолько заинтересовало Вайзберга, что он встретился с учеными, открывшими столь неординарное растение и понял, что перечисление достоинств Антарктического Чае можно продолжать до бесконечности.

Чем дальше велось изучение, тем больше ученые понимали, что Чай является целебным растением на все случаи жизни. Он мог одновременно помочь от запора и поноса (у разных людей, естественно). Одно только обстоятельство ограничивало возможности Антарктического Чае, он произрастал исключительно в холодных условиях, то бишь, в Антарктике.

Не желая так просто расставаться со своей идеей, Вайзберг сказал, что биолог – это их краугольный камень.

На том и порешили. Озо и Дуплов пошли в гости, Вайзберг направился домой, Нуркин попытался навязаться к Каскину в компанию, чего Каскин совсем не хотел, у него были свои планы на вечер (встреча с Кэрол) и поэтому ответил, что ему совсем в другую сторону.

– Кто такая Кэрол? – поинтересовался Нуркин.

– Так..., – ответил Каскин, не желавший в этот момент делиться впечатлениями. Они расстались, Нуркин пошел на пл. Восстания, а Каскин на Чернышевскую.

Полозов встал рано и отправился собирать остатки Антарктического Чае. Лыжник-На-Снегу, видимо надолго, ушел во мглу. Полозов выдергивал недоеденные кустики и обзывал пингвинов «летающими...», он ругал Антарктику, где эти пингвины обитали, жизнь, за ее противоположности и, вообще, весь свет за неустроенность. Это была любимая тема Полозова, хотя, надо отдать ему должное, наличие противоположностей не убивало в нем желания что-нибудь делать. Он был упертым и шел вперед, мрачно сметая эти самые синусоиды. Лыжник-На-Снегу вообще относился наплевательски к противоположностям, он предпочитал белое безмолвие, где нет никаких витиеватых измышлений.

Число собранных мешков, их оказалось двадцать, не поразило Полозова, хотя, по его мнению, они должны были собрать 1020.

– Ненавижу пингвинов, – тихо бормотал он. На всплески эмоций он поддавался редко, в отличие от А. Карцевой, которая в течении часа могла от прыжков радости перейти к слезам огорчения. Но это случалось редко, в основном она хлопала в ладоши и не замечала того, что постоянно держало Полозова в состоянии мрачности.

Полозов ходил по полю и таскал мешки, при этом он пинал пингвинов, обожравшихся так, что они мало чего понимали. А Дуплов в это время уперся взглядом в журнал «Околополюсная биология №347». Более всего его интересовало к чему относится №347, «к биологии или к № выпуска?» – думал он. Наконец он решил это выяснить и напоролся на говорливого человека по фамилии Белков.

Этот Белков оказался болтуном каких в древности называли ораторами. Он тут же прочел лекцию о числах, способах принадлежности слов во фразе и сочетании этих двух феноменов в структуре языка.

– Понятно, – ошеломленно ответил Дуплов и хотел было спросить про пингвинов, но Белков решительно начал рассказывать о магнитных полях Земли и перешел к биологии.

– Так вы, собственно, биолог? – встрял Дуплов.

– Я?! А кто я по-вашему?

Дуплов смешался с грязькой и промолчал.

– Конечно я биолог! Да я спец по пингвинам, они съели мои 20 лет жизни!

– Они что, и это едят??!

– Едят, да еще и причмокивают, сволочи эдакие! – раздухарился вдруг Белков. – Гляньте, я в шесть лет увлекся пингвинами и что вышло?! Читаю какую-то околополюсную дребедень вместо того, чтобы с девушками гулять!

– Да, это грустно, – согласился с ним Дуплов, который сам бегал за первой встречной. И безуспешно.

– Так вы, значит, пингвинов знаете?

– Как облупленных, – важно кивнул Белков и добавил, – лично встречался.

– Белков широко открыл рот и Дуплов понял, что Белков в пингвинах разбирается также как и во всем остальном: законах Бернулли, маятниках Фуко, логарифмах (логарифмы Белков, зная филологию, разделил на два слова – лога и рифмы, далее Дуплов запутался и ничего не понял) и т. д.

– Могу ли я вам помочь?! – вскричал Белков в ответ на вопрос Дуплова. – Да как говорил великий Ломоухов: «Легко!»

Дуплов пожал руку Белкову и остался доволен.

А Белков поехал в свою лабораторию искать способы отпугивания пингвинов. Изучением пингвинов он занимался с детства, как он сам говорил, с шести лет. Интерес к этим милым созданиям подвиг его записаться в кружок «Занимательная Антарктида», где ему рассказали, что пингины живут в Антарктике, едят рыбу, умеют плавать, но не умеют летать, хотя руководитель кружка клятвенно заверил, что это птицы. Белков долго пытался разрешить парадокс плавающих, но не летающих птиц, и пришел к выводу, что тут что-то не так. Позже, на кафедре «Биологической антарктикологии» Белков доказывал, что пингины являются рыбами вышедшими вместо земли на лед, но его курсовые и диплом подвергли жестокой критике, хотя в аспирантуре оставили. Белков занялся другими проблемами биологии, а пингвинам посвящал свободное время. И вот теперь ему представился шанс применить свои знания, да еще и денег заработать любимым делом.

Через неделю Дуплов, зайдя к биологу, застал того за чириканием неких формул, в которых главным образом, присутствовали икс квадраты (X^2), корни и синусы.

– Как дела? – спросил Дуплов.

– Отлично, – восторженно воскликнул Белков, – пингины – вид плавающих птиц (хотя, конечно, между нами, это рыбы), волею судьбы этих птичек занесло в Антарктиду, а там, сами понимаете, грустно и холодно и им ничего не оставалось делать, как ничего не делать. Бедняги.

Биолог вздохнул и продолжал:

– Сотни лет им приходилось есть рыбу и еще раз рыбу! Это гнусная шутка природы. Вот. И тут появляетесь вы со своим чаем. И как бы вы поступили, если веками жрали одну рыбу? Они сожрали ваш чай. Это естественно и понятно. А потом вы нахально слиняли и им пришлось выучиться летать.

– Лучше бы они сожрали рыбу.

– Не знаю. Рыба-то им надоела.

– Так надоела, что они выучились летать?

– Да! Именно так! Это великое открытие биологии за последние 2000 лет! Дуплов подумал, что до биологии ему все равно, но сказал:

– Очень рад за биологию, но пингины в Арктике, и едят наш Чай.

– Молодцы! – крикнул Белков. – Изменения, основанные на гастрономии! Это-то и есть подлинное открытие.

– Это ненормально!

– Но факт.

– Они помолчали.

– Ну, и что теперь?

– Да ничего, в общем.

– Как ничего?!

– Да, так. Изучая пингинов, я пришел к выводу, что эти рыбы пренеприятнейшие мерзкие твари. То, что они добрались до Арктики в поисках чем бы полакомиться, да попокастить только доказывает их жгучую ненависть.

– Ненависть? – удивился Дуплов.

– Именно. Они оказались, в силу их строения, в столь дурацком положении и это их гнетет. Поэтому, когда на их территории вдруг что-то посадили, они уничтожают это единственно доступным для них способом – они это едят.

– Что же делать?

– Не кричите. Я все продумал. В чай добавляется субстанция, которая обладает вкусом рыбы. И все.

– А люди? Чай со вкусом рыбы, это же отвратительно! Белков искоса глянул на Дуплова, как на идиота.

– У пингинов и людей разные вкусовые ощущения.

Через неделю Полозов, Лыжник-На-Снегу, А. Карцева получили новые семена Чая, пропитанные в изобретенной Белковым субстанции. Далее все должно было идти по плану.

Самолет улетел, оставив Полозова, Лыжника-На-Снегу и А. Карцеву с разбросанными тюками посреди бесконечного белого пространства. Было холодно и троице оставалось только начать ставить лагерь. Для начала они построили нечто вроде будки, куда поместились ящики с семенами и гордость экспедиции – арктический трактор с сеялкой.

К вечеру они успели поставить палатку себе. Небольшое низенькое сооружение, которое приобретало жизнеспособность только полностью завалившись снегом. Утро их встретило холодом. Они завалили палатку снегом, построили рацию и принялись собирать трактор. Этот агрегат в собранном виде оказался неким подобием трехколесного паровоза. Полозов весело сделал круг на этом приборе вокруг лагеря, гордо бибикая и производя сильнейшее шипение. Оставалась самая малость – ждать радиogramмы с сообщением о благоприятной погоде. На это уходила пропасть времени, требовалась безветренная погода с обильным снегопадом, в противном случае семена сдувало в такие дали, что поиск ростков приходилось совершать с само-

лета. Наступило полное безделие. На этот случай у компании были припасены карты, книги, шашки, нарды, домино, игра в орлянку, рыбака и рыбу (загадочная игра, изобретенная Полозовым), счастливчик (придуманная Лыжником-На-Снегу и прозванная лифчиком) и другие (в стиле «чего хочет женщина», в которую всегда выигрывала А. Карцева). Ожидаемого снегопада не было и троица занялась почкованием. Скоро у них появилось много маленьких почечек, они бегали по палатке и радостно пищали, больше эти почки ни на что не годились. Чуть позже их стало так много, что пришлось завести коробку, в которую их всех сгрузили. Это очень понравилось почечкам, теперь они беспрестанно возились в коробке, сопровождая свою возню еще более громким писком, который вконец достал Полозова и, не обращая внимания на протесты А. Карцевой, он их выкинул на улицу. Почкам такой расклад понравился еще больше и они в мгновение ока разбежались по ледяной пустыне. Скука достигла предела шахмат. Они стали переписываться по радию с чемпионом мира Кошмаровым и выиграли у него в 36 ходов. От второй партии пришлось отказаться, так как им надоело крутить педали генератора.

Лыжник-На-Снегу начал изнывать от желания прогуляться по льду в течении недель эдак двух-трех, когда пришла радиограмма. Ожидался снегопад с размером снежинок не более 0,2—0,5 мм, что полностью устраивало Полозова и всех остальных. Они незамедлительно принялись за работу. Потом Лыжник-На-Снегу ушел в морозную тьму, а Полозов и А. Карцева предались разврату. Так прошла неделя, затем вторая, а еще через неделю появился Лыжник-На-Снегу.

– Пингинов видел, – первое, что сказал он, появившись на пороге.

– И как?

– Да никак, бродят милях в десяти, ждут.

А пингины ждали, когда Луна поднимется на 21,5 градуса над горизонтом. Тогда в них просыпалось нечто темное, глумливое и зверское. В такие минуты в палатке стояла тишина, только Полозов иногда зло кашлял.

Пингины в миг озверели, они подняли головы и издали воинственный клич. По окрестностям пронесся рев многочисленных глоток, давно ожидаемого пиршества. Пингины двинулись медленно и угрожающе, нацеленные на безопасную и лакомую добычу. Эта черно-белая орда неспешно пробиралась к посевам, пока в них не заговорило желание смести все на дороге в жажде вкусно пожрать. Тогда первые ряды прибавили ходу и вскоре вся толпа неслась лавиной с фашистским оскалом. Вначале все шло как обычно, пингины с громогласным чавканием уничтожали Антарктический Чай, но потом случилось нечто непонятное для их жиденьких мозгов – они ели рыбу. Сие настолько их опечалило, что пингины в замешательстве бродили вокруг поля, грозно рыча и роя лапами снег. В конце концов они взяли поле в плотное кольцо и застыли в злобном недоумении.

– Работает! – воскликнул, выбежавший в волнении Полозов.

– Работает! – снова крикнул Полозов и, подпрыгнув, поскользнулся на банановой коже, брошенной А. Карцевой. Лыжник-На-Снегу не разделял восторгов Полозова.

– Они так до второго пришествия сидеть будут.

И это была правда. Прошли сутки, а пингины даже не шелохнулись. Они сидели вокруг в три ряда и немигающим взглядом смотрели на сочные кустики Антарктического Чаю. Эта полная медитативная неподвижность повергла Полозова в состояние крайнего ужаса и шока. Он лежал на кушетке и его воспаленному мозгу мерещились пингины, которые, не мигая смотрели на его тело с желанием растерзать. А. Карцева тоже была немного не в себе, но депрессия ее пока не задела. Лыжник-На-Снегу был настроен более пофигистически и сей недуг его не поразил. Он отослал в центр радиограмму и не выразил надежду, что они разойдутся.

В центре долго ломали голову над сложившейся проблемой и предложили прыгнуть с парашютом, прорубить подземный ход, засеять второе поле. На что Лыжник-На-Снегу ответил, что все это нереально. Тогда ему предложили заняться медитацией. Медитировать Лыжник-На-Снегу не умел, поэтому после получаса просто заснул. Ему снилась партия в шахматы, основанная на принципе ленты Мебиуса между двумя дозиметристами. Партия продолжалась долго, причем выиграла оба дозиметриста. Сон подтолкнул Лыжника-На-Снегу к выводу, что: ситуация выглядит как бутылка Клейна, при этом воздействие на пингвинов возможно лишь необходимостью жертвы королевы, что приводит к мату, отсюда выходило, что воздействие на пингвинов скрыто само в себе и это крайне неудобно для их уничтожения.

Такой вывод ошеломил и сильно опечалил Вайзберга. Еще одна попытка оказалась разрушенной неведомой силой. Когда Вайзберг сообщил вывод членам правления, раздались крики возмущения, больше всех кричал Дуплов, что ситуация не поддается решению, что их начинание встречает сверхъестественное противодействие и что мир против них, и что ничего у них не выйдет, что пингвинов нужно уничтожить ядерной бомбой, как класс, с чем не согласился Белков, мотивируя свое несогласие последствиями. К нему присоединился Каскин, сказав, что бомбы у них нет.

– Тогда фугасом их, фугасом! – прокричал Дуплов. Его попытались успокоить, но Дуплов не дался и, размахивая руками, выскочил за дверь. В конторе повисло тоскливое молчание, в головах бродила мысль Дуплова, что все напрасно, что они делают что-то неправильно и поэтому ни хрена у них не выходит. Потом все разошлись.

А в Арктике в это время Полозов сидел напротив рации и тихо матерился. Лицо при этом у него не менялось и он производил впечатление скучающего в деревне человека. Из приемника доносились напевы горных африканцев, переговоры резидентов и всякая тому подобная чепуха. А потом раздалось нечто совсем идиотское:

– Tea of Antarktika, white Negr.

Полозов, знавший английский понаслышке, едва не подпрыгнул на табурете, но тут рация издала пук и затихла. Полозов рьяно стал крутить ручки настройки, отчего они отлетели, а Полозова охватило чувство гадливости. В этот момент вошли Лыжник-На-Снегу и А. Карцева. Полозовым владело ощущение тошноты, что навело Лыжника-На-Снегу на мысль, что тот поел тухлятины.

– Ты что, тухлятины поел? – спросил он у выпучившего глаза Полозова.

– Merde! – выругался почему-то по-французски Полозов и понес околесицу, что им вредят спецслужбы внешней разведки. Лыжник-На-Снегу и А. Карцева слышали про резидентов, Белого Негра и заговоре. Они участливо выслушали бред Полозова и предложили прилечь.

– Арктический приступ номер один, – пробормотал Лыжник-На-Снегу.

– Вы мне не верите! – сказал Полозов, а потом раскричался (может это был приступ ревности?) что они бродят невесть где, газет не читают, телевизор не смотрят. На что Лыжник-На-Снегу ответил, что газеты у них прошлогодние и то в сортире, а телевизора нет. Полозов смутился, т.к. это была его идея выкинуть телевизор за ненадобностью. Полозов бросился писать сообщение в центр, а А. Карцева подбирать куски разбитой Полозовым рации, которые к ее удивлению продолжали пищать. Эти пищавшие кусочки навели ее на идею, что любая мысль продолжает жить в виде осколков, что было для нее совершенно нестандартно.

Полозов настроил две страницы и попросил А. Карцеву отправить радиограмму в центр. А. Карцева, прочитав текст, отказалась передавать «эту галиматью», а Лыжник-На-Снегу посоветовал ее использовать вместо газет. Полозов обиделся и сам отправил телеграмму.

Вайзберг прочитал сообщение Полозова и решил, что тот свихнулся. Остальные члены правления Вайзбергу не поверили и пришли в восторг от пронительности Полозова. Вайзберг обозвал их недодушенными придурками, а Озо ответил, что «сам ты застрявший в раз-

витии недомеров». Вайзберг обиделся и ушел, а члены правления решили, что надо внедрять резидентов в АГРУ, МОСХАД, ЦРУ и Африканское посольство.

– Есть ли у нас знакомые шпионы? – бодро спросил Озо.

– Есть, – ответил Каскин.

– И кто он?

– Это она. Кэрол. Полковник спецслужб республики Чад. Занимается поисками чертежей новейших землечерпалок.

– Она что, негр?

– Да нет, – ответил Каскин.

– Чад, а как мы туда попадем?

– Да никак. Новые землечерпалки у нас изобрели. Завтра она не может, у нее задание – какой-то тайник надо опорожнить на Басковом, а потом я ее порасспрашиваю, – заверил Каскин.

В общем все складывалось как нельзя лучше, хотя, конечно, землечерпалок было немного жалко.

– Значит они все съели? – спросил Sleep Piou, полковник, начальник отдела Арктики и Антарктики внешней разведки Англии.

– Да, – ответил Белый Негр.

– Отлично, – похвалил его Sleep Piou и выложил на стол пачку денег. Белый Негр до денег был жаден, особенно если он их зарабатывал вредя всем подряд. В данном случае Белый Негр был почти счастлив: он пакостил, пакостил в любимом месте – Арктике, да еще получал за это деньги. Откопал его Sleep Piou, которого в управлении все звали Подслеповатым Пью. Он был хреном, каких мало. В Лондоне даже ходила поговорка: «охренел как Пью», хотя большинство людей ее не понимало. Только маленькая толика их могла знать, что значит охренеть как Пью. Он производил впечатление человека физически офигевшего от собственной дурости. То, что он попал в разведку, в частности в отдел диверсий, сам он объяснить не мог. Говорил, что после шести лет бабушка его сказала, что маленький Пью идиот, каких свет не видывал, хотя на первый взгляд он казался сообразительным малышом. Он на два года опережал своих сверстников по алгебре, геометрии, игре на арфе, ползании на четвереньках, русскому языку, метании гранат, постановке мин, баллистике, аэродинамике, ядерной физике. После такого бабушкиного заявления его дед отдал Пью в школу милиции, там он, по рассказам очевидцев, уже стал проявлять признаки охренения и очутился в высшей школе госбезопасности, где совсем съехал с рельс. Несколько лет он ничего не делал, а потом его, после анкетирования назначили зав. диверсиями в Заполярье. В отделе сотрудников, кроме него не было никого. А у Подслеповатого Пью по этому поводу съехала крыша и он в целях ознакомления уехал в Антарктиду, где, проваландавшись по торосам с санками встретил Белого Негра. Белый Негр в то время представлял собой существо с мозгами набекрень и они вполне нашли общий язык. Подслеповатый Пью взял Белого Негра к себе в отдел, обучил всему, что знал сам и отправил в Гренландию, где Белый Негр попортил нервы Чили и Парагваю, которые там готовились к Зимним Олимпийским Играм. Подслеповатый Пью остался доволен деятельностью Белого Негра и тут Вайзберг посадил Антарктический Чай. Так как Подслеповатый Пью хренел все больше, они с Белым Негром разработали операцию «Соленые Огурцы». Операция была тщательно продумана и отдана начальству, которому ничего не оставалось, как одобрить эту галиматью.

– Ну, что ж, сказал Подслеповатый Пью, – операция подходит ко второй части. Части «В». Часть «А» выполнена просто превосходно. Приятно себя ощущать тем, что создает противоположности. Вам приятно? Белый Негр кивнул. Теории его начальника о противоположностях ему порядком осточертели, Белый Негр об этом не думал, свои мозги он давно оставил в Антарктике, а Подслеповатый Пью разглагольствовал о том, что он добьется, чтобы в мире царил только одна противоположность и жизнь выглядела как бесконечная прямая. О синтезе

он и думать нехотел, а Белому Негру на это было наплевать, у него вместо мыслей и так была одна прямая и никаких синусоид.

– Так вот, – на время прервав лекцию о невозможности синтеза и слияния, продолжал Подслеповатый Пью, – надо заработать большие деньги.

Белый Негр кивнул. Деньги он любил, но странной любовью, он мог удовлетвориться одним пенни, миллион или фунт, ему было безразлично. Подслеповатый Пью радостно потер руки. Его настроение, как он считал, зависело от внешних обстоятельств, а обстоятельства, по его мнению, он создавал сам, поэтому...

Полозов уже две недели жил в городе. В компании сейчас суетились в поисках агента, которого они собирались заслат в АГРУ. А Полозов болтался по городу и ничего не делал, он попытался впасть в депрессию, но безуспешно, пока не увидел афишу консерватории «Тоска». «То, что надо», – решил Полозов и собрался в оперу. В опере ему очень понравилось, там не было пингвинов, снега и рыбы. Действие ввергло его в печаль, и мрачный и злой он сидел в десятом ряду и невыносимо тосковал. Рядом сидела красивая женщина и Полозов окончательно окосел, глядя больше на нее, чем на сцену. Познакомиться он не решался и это еще больше уводило его в состояние депрессии. «Напьюсь», – решил он и стал дожидаться антракта. В перерыве он быстро направился к буфету, но его остановила сидевшая рядом женщина.

– Извините, – обратилась она к Полозову. Полозов стушевался, а его депрессия стала распадаться на части. Он тщетно пытался их собрать, но слова женщины все больше дробили эти осколки в пудру.

– Извините, у вас вид человека страстно переживающего действие на сцене. Вы, видимо, тонко чувствующее существо, глубоко страдающее, не могли бы вы мне, за чашечкой кофе, рассказать суть оперы?

Полозов, никогда не задумывавшийся дальше своей тоски, не отразил слов о тонкочувствующем существе, но пригласил Беллу (так ее звали) в буфет на чашечку кофе.

– Расскажите же скорее, – дотронувшись до руки Полозова, попросила Белла.

– Значит так, – начал Полозов, – в одном городе жили двое, муж и жена, жена очень нравилась одному влиятельному садовнику...

– Кому? – удивилась Белла.

– То есть сановнику.

Прозвенел звонок, Полозов растерялся, но Белла была не промах.

– Расскажите после, хорошо?

Полозов кивнул и все отделение пытался понять происходящее на сцене, где все пели и пели на фоне тюремной стены.

– Мне так понравилось, – воскликнула Белла, после оперы, когда они встретились у выхода.

– Какая музыка, – пытаясь зажечь глаза восторгом, проговорил Полозов. К счастью, было темно и Белла не заметила, что они зажглись чем-то совсем другим.

– Вы где живете? – спросил Полозов, соображая о том, как бы встретиться с ней завтра.

– А мне показалось, что вы предложили чашечку кофе. Полозов поперхнулся, но виду не подал.

– Конечно, у меня дома отличный растворимый кофе.

– Обожаю растворимый кофе, а в зернах мне не нравится, с ним столько проблем... Так они и пришли к Полозову.

Полозов немного расслабился. За окном было темно, рядом слышалось дыхание Беллы.

– Вот так всегда, – подумал Полозов, – то густо, то пусто.

Ему хотелось остановить время, но неумение сделать то, что хочется опять повергло его в депрессию.

Он обладал удивительной способностью даже в приятном находить нечто отрицательное.

Каскин вышел из дома и направился к Ботаническому саду, где у него было назначено свидание с Кэрол. С ней он познакомился случайно у одного из ее тайников во дворе за гаражами. После он долго за ней ухаживал, но она отказывала, т.к. у нее в тот момент был генерал из республики Лаос, но потом он совершил подлость (украл для своей страны разведанные, из-за которых разгорелся крупный скандал между Лаосом и Чадом), и она его бросила. Тот совсем не огорчился, потому что специально подстроил эту кражу, чтобы отделаться от нее (у него была лаоска). Вот тут Кэрол и обнаружила недюженные способности Каскина. Они познакомились поближе и Каскин отчаянно влюбился. Кэрол в то время вела операцию по нейтрализации деятельности отдела Подслеповатого Пью на Земле Франца Иосифа. Подслеповатый Пью пытался там развернуть сеть агентов с целью дестабилизации популяции северных бакланов. Чад был чрезвычайно заинтересован в стабильности этой популяции, т.к. закупал их на мясо. Кэрол настолько удачно извратила планы Подслеповатого Пью, что тот рвал на себе волосы, а когда они кончились – у своей бывшей жены. Кэрол получила орден ПЖЧ (Почетный Житель Чада) и получила новое задание – поиск чертежей новейших землечерпалок. Кэрол и Каскин встретились у ворот Ботанического сада и углубились в чащу. О мучившем его вопросе Каскин вспомнил только тогда, когда их прогулка подходила к концу. На его вопрос Кэрол рассказала следующее:

– Белый Негр – это диверсант. Родом он из Африки, жил в племени Центрального Чада, на берегу озера с одноименным названием, ловил крокодилов и бредил Антарктикой. Эти бредни привели его в институт «Полярных исследований», где он пристроился работать смотрителем за пингвинами. Работа тяжелая, ведь это Чад, середина Африки, а тут пингины тебе! Через несколько лет он попал в Арктику и перемена была столь сильна, что он в ужасе побелел. Потом он прожил там десять лет, потому как его там забыли и он основательно впитал в себя белизну снега и у него никогда уже не восстановится истинный цвет. Его случайно нашли арктические спецслужбы, которые пытались там украсть пару секретов у Израиля. И эти англичане сделали из него очень редкого полярного диверсанта и устроили пару диверсий Чили и Парагваю в Гренландии.

- А что делали Чили и Парагвай в Гренландии?
- Как что? Готовились к Зимним Олимпийским Играм.
- Понятно, – сказал Каскин, – сегодня придешь?
- Приду, – ответила Кэрол. На том и расстались.

Вайзберга мучили кошмары. Ему снилось сияние злобных пингвинячьих глаз и большие челюсти, которые подбирались к кровати и отъедали у нее ножки, а Белый Негр, вкуче с ними, обрезал провод у люстры, прямо над Вайзбергом. Каким-то чудом Вайзберг спасался, но тотчас попадал в дикие дебри Аргентины, где уже ждали камуфлированные пингины, а из реки вылезал Белый Негр, тутже превращавшийся в чужеродную тварь и кусал Вайзберга за пятки, и за всем этим следила пара глаз из специальных служб Англии. Кончалось все очень грустно на том, что на Земле, кроме них не осталось никого, и пингины поднимали Вайзберга в воздух и отпускали, поднимали и отпускали... С чувством тошноты Вайзберг проснулся и подумал, что лучше бы он работал продавцом билетов в общественном сортире, чем боролся с полчищами пингинов. Это была предательская мысль, Вайзберг был достаточно сильной личностью и редко поддавался дурному настроению. Просто сейчас все шло как-то не так. Он сидел дома и с маниакальной настойчивостью чертил схемы:

Вайзберг очень любил схемы и графики, которые старался, как разносторонний человек, внедрить во все сферы жизни. Он даже вывел график душевных состояний Дуплова. Для этого он ввел постоянную ОУТ, т.е. за пределами.

С момента рождения, Дуплов, по мнению Вайзберга, находился ниже уровня мало-мальского оптимизма, Дуплов одно время обижался на Вайзберга и говорил «дело – дрянь». Вот и сейчас Вайзберг чертил схемы и графики деятельности компании. От полной безнадежности его спасала только жена, которая убеждала Вайзберга, что не в графиках суть. Вайзберг с ней частично согласился и мрачный отправился на совещание. Члены правления бурно и вдохновенно обсуждали идею засылки шпиона в отдел Подслеповатого Пью. Каждый норовил протолкнуть свою кандидатуру и говорил, что с детства мечтал стать разведчиком. Только Каскин не считал себя великим шпионом, у него была Кэрол и ехать никуда он не собирался.

– Белиберда, – бормотал Вайзберг в ответ на реплики Дуплова, Нуркина и ОЗО.

– Я! Я глубоко интересовался психологией, я все выясню.

– Что тут выяснять?! Тут надо рушить планы.

– Ты, вредитель. Сколько тебя помню, лишь бы напакостить, – отвечал Нуркин, – вот я легко могу втереться в доверие.

Предложение Вайзберга ехать всем вместе было отклонено и, в конце концов, решили тянуть жребий. Жребий проводился сложным способом: вначале кидали монетку на первоочередность, потом тащили бумажку с крестиком, потом выбегали на улицу и гадали на кофейной гуще. Победил Дуплов – в гуще прохожие видели его 10 раз, Нуркина – 5, а ОЗО – 2 раза.

Ну и рожа у тебя, – заглянув в чашку, сказал Вайзберг. Дуплов не обиделся, он уже разрабатывал планы.

– Поганка ты, – сказала А. Карцева Дуплову, – я тоже хочу в Англию.

Дуплов для виду помолчал и предложил ехать вместе. И они поехали. Вайзберг, продолжавший считать все это бредом, уехал с женой на дачу, где славно проводил время.

Полозов встречался с Беллой и постепенно съезжал с рельс от любви, проросшей в нем, как укроп. Они встречались каждый день, гуляли, ходили в кино, а потом Белла переселилась к Полозову в квартиру. Он показал ей свои арктические фотографии, Белла разахалась и попросила рассказать об Арктике. Полозов начал, и его понесло. Он долго говорил о льде, снеге, небе, палатке...

– А что ты там, собственно, делал? – терпеливо выслушав лирику Полозова спросила Белла. Полозов ответил, что он там выращивал чай. Белла подозрительно посмотрела на Полозова и не поверила. «Чай? В Арктике?» Полозов попытался объяснить, но Белла была непреклонна и заявила, что он над ней издевается.

Чай! В Арктике! Полозов удивился и они поссорились. Ночью, правда, помирились, и Полозов рассказал ей все.

– А кто такой Вайзберг?

– Президент компании.

– На этом Белла успокоилась и мирно заснула.

По полу гостиницы ползали сикарахи. Они мучали А. Карцеву и доводили ее до чрезмерной брезгливости. Она стала мнительной, ей виделись сикарахи в супе, чае, автобусе, ночью она просила Дуплова не прикасаться к ней, т.к. ей казалось, что это сикарахи ползают по ее телу. Дуплов же этих сикарах не замечал и считал все придурью А. Карцевой, а если и замечал, то с интересом наблюдал их возню на полу.

– Это как мы, – говорил он, когда его тянуло поговорить о жизни. – Чего-то носимся, тащим всякую дрянь, резвимся, нет бы успокоиться и жить тихо и мирно, а тут какая-то Англия, какой-то Подслеповатый Пью...

Сравнение Дуплова раздражало А. Карцеву и она уходила. Как правило в кафе за три квартала. Там однажды она познакомилась с милым человеком. Он был галантен и предупредителен. Рассказывал интересные истории и угощал А. Карцеву пирожными. Дуплов, все чаще

остававшийся один на один со своим планом внедрения, не шел ни в какое сравнение с этим красивым и вроде умным человеком. А Дуплов сидел над чистым листом формата А4, писал слово «план», ставил буковку «а» со скобочкой и сидел, подперев голову рукой. Так проходили дни, Дуплов сидел, А. Карцева встречалась с Пукс&Букс, так звали того человека. Они славно проводили время, а потом Пукс&Букс спросил:

– А вы чем занимаетесь?

Они сидели у него дома на Сауптгемптон стрит, А. Карцева звала ее Стоунхенджем, Пукс&Букс не возражал, он вообще говорил редко, зато в точку, как сейчас, например. Было так хорошо и нежно, что А. Карцева забралась к нему на колени и ответила:

– Не знаю.

– То есть? – удивился Пукс&Букс.

А. Карцева, совсем разомлев, все ему и выложила.

Пукс&Букс долго молчал, а потом сказал, что сможет ее пристроить. А. Карцева вспыхнула и что-то пробормотала про предательство. Но Пукс&Букс ответил, что любит ее больше Родины, на что А. Карцева сказала, что это просто прекрасно.

– А потом тебе, как предателю, придется уехать. Поедешь к нам.

– Здорово, – буркнул Пукс&Букс и увлек ее в постель.

Наутро А. Карцева уже работала в отделе Подслеповатого Пью старшим писарем. Дуплов написал письмо с отчетом. Жизнь компании «Антарктический Чай» сосредоточилась в действиях А. Карцевой. Вайзберг сидел с женой на даче, ОЗО и Нуркин играли во что-то по модему, Полозов устроился в музей Арктики и Антарктики, где рассказывал правду про пингвинов. А. Карцева исправно работала старшим писарем в отделе Подслеповатого Пью, через ее руки проходили планы начальника и отчеты (один) Белого Негра. Отчет А. Карцева не поняла, хотя Подслеповатого Пью он привел в такой восторг, что он поцеловал А. Карцеву, отчего она вспомнила сикарах и неделю потом не выходила из дома. Жила она неплохо, работа непыльная, Пукс&Букс под боком...

А пингины улетели обратно в Антарктиду. Почечки бегали по Арктике и весело верещали.

Подслеповатый Пью решил пригласить А. Карцеву в кафе.

– Как вы относитесь к пингвинам? – спросил он.

– Никак, – ответила А. Карцева, хотя в действительности они ей нравились.

– Это замечательно, не хотите ли кофе?

А. Карцева в интересах компании согласилась и Подслеповатый Пью повел ее в «Кубрик». Это было заведение в полумраке, с живой музыкой, отдельными столиками, в общем, ей там понравилось, если бы только не Подслеповатый Пью, которого вдруг ни с того ни с сего понесло рассказывать про Белого Негра.

– Белый Негр – это индивидуум, – безапелляционно заявил он, – он столько знает про пингвинов, что жуть берет.

Подслеповатый Пью наклонился к А. Карцевой и интимно сказал:

– Пингины, это не просто плавающие птицы.

– Да? – тихо с постельной хрипотцой в голосе спросила А. Карцева.

– Точно, это потомки древних пингвинов. А. Карцева расширила глаза и поэтично задыхалась.

– Древние пингины, как таинственно.

– Более чем.

И Подслеповатый Пью поведал ей следующую историю:

«Давно, когда люди только начинали приобретать человеческий облик, наряду с ними существовали некие существа. Эти две древние расы мирно проживали и никого не трогали,

пока в племени людей не появился субъект с умопомрачительно большими мозгами. Этот великий ум произвел на свет массу интересных мыслей, идей и инструментов, например колесо, велосипед, горшки, плавильные формы. Он обладал грандиозным творческим даром и разработал теорию об индивидуальном развитии. После его смерти остались два мальчика и одна девочка, а потом в племени начали все чаще появляться дети с большими мозгами и нетривиальным умом, который привел их к желанию единоличного владения всей землей. И вот тут пингвинам и досталось. Их вытеснили с их исконных территорий и они оказались в Антарктиде. Все пингины бы вымерли, если бы среди них не было своих творческих пингинов, они, эти древние пингины, помогли своему племени приспособиться к ужасным условиям Антарктиды, но в наследство последующим поколениям пингинов досталась нелюбовь к человеку. Но с течением времени мозги у них совсем атрофировались и теперь они уже не помышляют не только о вредительстве, но и о самом человеке. Вы думаете им нужен Чай? Да зачем он им сдался? Это все Белый Негр! Это он их настропалил, вот они его и жрут почему зря!»

– Вот такие дела, – неожиданно закончил Подслеповатый Пью.

– Очень интересно, – ответила А. Карцева и помчалась к Дуплову на квартиру, чем несказанно удивила Подслеповатого Пью.

– Где рация? – ворвавшись к Дуплову, резко спросила А. Карцева и вывела того из мечтательного состояния, в котором он пребывал.

– Какая рация? – недовольно буркнул Дуплов.

– Обычная. Обычная такая рация.

А. Карцева остановилась посреди комнаты, уперев взгляд в лежащего Дуплова.

– Рация, коробка с антенной, переключателем частот...

– Чем?

А. Карцева продолжила объяснение, которое озлобило Дуплова окончательно.

– Какие резисторы? Какие реостаты? Я не знаю, что такое конденсаторы, а о триодах вообще понятия не имею! – взорвался Дуплов.

А. Карцева тоже разозлилась и обозвала Дуплова мечтателем средней руки.

– Что значит «средней руки»?

– Ничего. Где ящик зеленый?

– В углу пылится.

– Сразу сказать не мог!

– Я же не знал, что это рация!

А. Карцева бросилась налаживать рацию, оставив Дуплова размышлять о «мечтателе средней руки».

В отличие от Белого Негра, Вайзберг был чувствительным человеком, поэтому сейчас у него страшно болела голова. Решить вопрос с Антарктическим Чаем он был не в состоянии, в мозгу только проплывали какие-то странные лодки, из которых торчали морды пингинов, но Вайзберг ощущал прекрасное чувство любви к этим милым птичкам. Это чувство вызывало волнообразные приступы тошноты, т.к. в душе Вайзберг их почти ненавидел. А над лодкой летал Белый Негр и корчил Вайзбергу рожи. Чуть позже он съел две таблетки «цитрамона-п» и, немного очухавшись, увидел обрывок бумажки с рассказом А. Карцевой о пингвинах и Белом Негре.

– Либо это продолжение бреда, либо оно все так и есть, – вслух сказал Вайзберг

– Что оно? – спросила его жена.

Вайзберг еще раз пробежал текст глазами и буквально пересказал его своей жене.

– Значит так оно и есть, – сказала жена и успешно залезла в ванну. – Иди сюда.

– Что же теперь делать?

– Почему я знаю, нам, по-моему, и так хорошо. Вайзберг согласился и залез к ней в ванну.

– Дурацкая идея, – ответил Каскин на предложение Вайзберга немедленно прийти в контору.

– То есть?

– Ну то и есть, идиотская.

– Это почему?

Каскин лежал в кровати с Кэрл, было 12 часов дня, впереди был целый день и тратить его на безумного Вайзберга Каскин не собирался. Объяснить, однако, это Вайзбергу, казалось ему невыносимым.

– По кочану, – начиная судорожно думать как отвязаться от Вайзберга, ответил Каскин. Вайзберг помолчал, подышал в трубку, почмокал, глотнул чаю и впал в недоумение.

– Я не понимаю, я, более того, в полном невозможном недоумении почему вы не желаете признать мое предложение имеющим силу, а настаиваете на том, что оно лишено всякого смысла.

Каскин ответил, что в ситуации, когда обстоятельства сложились определенным образом, он не может и, «более того» не хочет никуда идти, т.к. променять данную ситуацию на какую-либо другую нет совершенно никакой необходимости.

– Эта необходимость обусловлена нашей целью, которая требует небольшого самопожертвования, я повторяю – совсем небольшого самопожертвования.

Каскину это самопожертвование показалось слишком великим, о чем он и намекнул Вайзбергу.

– Двенадцать часов дня, я же не в семь утра звоню!

Каскин, вконец устав говорить околичностями, спросил чем тот занимался утром. Вайзберг замаялся и ответил, что он мылся.

– Вот и я моюсь! – экспрессивно выплюнул в трубку Каскин. Вайзберг понял и решил обойтись без Каскина. Но Нуркин и ОЗО не отвечали, вернее, у них было занято, т.к. до сих пор рубились во что-то там по модему.

– Кошмар, – объявил Вайзберг, – все идет к чертям.

– Ну и пусть, – сказала жена.

– Как это пусть?! А как же дело?

– Дело может подождать, когда люди моются.

А мылись в этот момент все. Полозов, Белла, А. Карцева, Пук&Букс, Каскин и Кэрл.

«Вот так дела и умирают», – подумалось Вайзбергу.

В полном бездействии проходили дни, недели, а потом компанию потянуло на подвиги.

– Надо размять мозги, – сказала Кэрл и вытурила Каскина, который, впрочем, не сопротивлялся. Примерно то же произошло с Вайзбергом; ОЗО и Нуркин опухли от игры и подумали, что было бы неплохо применить свои навыки в жизни. Полозов, которого уволили из музея Арктики и Антарктики, сначала устроился работать грузчиком в булочную, но грузчики напоминали ему пингвинов и, расплевавшись с булками, он явился в контору с заявлением: «Надо работать, а не мозги компостировать». В конторе было тихо, все молчали, так как делиться впечатлениями кроме «было здорово», было несерьезно. Первым заговорил Вайзберг:

– Идея хороша тем, что есть идея сама по себе, но особенно тем, чем она заканчивается в своей реализации, думаю Чай надо посадить.

Все согласились, оставалась только одна проблема – Белый Негр. Найти его, вследствие его белизны, в Арктике не представлялось возможным, в чем их авторитетно уверил Лыжник-На-Снегу. Предложения Озо и Нуркина дать ему денег, дать по башне были отклонены как несостоятельные, после чего компания уперлась в тупик. В итоге Лыжник-На-Снегу сказал,

что берет на себя Белого Негра, так как он лучше всех знает Арктику и попытается выловить Белого Негра в ледяном потоке и нейтрализовать его влияние на пингвинов.

На том и порешили

Подслеповатый Пью метался от окна к двери. Жизнь в компании «Антарктический Чай», после месячного перерыва, вдруг забила ключом.

– Все ясно, – орал Подслеповатый Пью своему отражению в кружке с чаем, – они сажают! Сажают! Где Белый Негр?

А белый Негр как всегда прохлаждался в Антарктике среди своих друзей пингвинов. Но вопрос местопребывания Белого Негра его мучил меньше, чем отсутствие известий от Беллы. На радиogramмы она не отвечала, «она даже на звонки не отвечает!» – в гневе пиная телефон, возмущался Подслеповатый Пью. (Еще бы, ведь Белла у Полозова жила).

Белла, как считал Подслеповатый Пью, тоже была диверсантом, но несколько другого толка. В ее обязанности входила деструкция различных групп изнутри. Нашел ее опять же Подслеповатый Пью где-то в Малайзии, где Белла, удовольствия ради, удачно развалила крупную корпорацию по производству елочных игрушек. Подслеповатый Пью восхитился тонкой работой Беллы, ее умению перессорить между собой директора, зам. директора, бухгалтера, пару курьеров, и пригласил ее в кафе «Центральное». Там они состряпали словесный договорчик и дело было в шляпе. По идее Подслеповатого Пью, Белла должна была втереться в доверие к членам компании «Антарктический Чай» и потом украсть семена. Когда она познакомилась с Полозовым, Подслеповатый Пью был вне себя от радости, когда Белла с ним переспала, Подслеповатый Пью пищал от восторга, когда она переселилась к Полозову, Подслеповатый Пью выл от счастья. Когда же от Беллы перестали поступать известия, Подслеповатый Пью забеспокоился. Белла таки позвонила ему и тот окончательно съехал с катушек: Белла послала всех в будку и сказала, что Полозов – человек, Подслеповатый Пью – сморчок, а Белый Негр похож на гриб «Бледная какашка». После слов Беллы, что любовь выше обманов, Подслеповатый Пью решил, что в этом мире что-то не так и двое суток охлаждал перегретые мозги. В итоге, ему оставалось ждать Белого Негра, который вскоре появился, избавив Подслеповатого Пью от окончательного идиотизма.

– В Арктику, скорее! – только и услышал Белый Негр и оказался в самолете.

Белый Негр увидел вспыхнувший зеленый огонек и, выпрыгнув из самолета, очутился среди снежинок и ветра. Парашют долго не раскрывался, а когда раскрылся, Белый Негр с ужасом понял, что это вовсе не парашют, а надувная лодка. Благо был запасной парашют, Белый Негр удачно приземлился, собрал рюкзаки и углубился в чтение карты, хотя, по большому счету, в картах он не разбирался совершенно, а ориентировался по обонянию, карту же носил с собой, потому как «пригодится». Суток через двое он нашел поле, засеянное Полозовым и А. Карцевой, и устроился рядом в «землянке».

Шло время, Лыжник-На-Снегу безрезультатно обегал почти всю Арктику в поисках Белого Негра. Чай подрос, и Белый Негр решил, что пора приступить к вызову пингвинов. Сей процесс представлял собой нешуточное дело. Белый Негр достал две понюшки табаку, свечи из пингвинячего жира с ароматом африканской травы Нгу-ну-на-Нгу, бубен и три килограмма сухого спирта. В горящий спирт он бросил жирок, поджег свечи и стал тихонько колотить в бубен, время от времени нюхая табак и чихая на все близлежащее, что, по его мнению, привлекало пингвинов, которые были вне себя от человеческих чихов. На этот раз Белый Негр воздействие сего процесса усилил путем некоторого усложнения через введение дополнительных элементов, как то: воздушные шарики разнообразной окраски в количестве двадцати штук. Пингвины, как он выяснил, от воздушных шариков теряли всякое самообладание и могли пойти буквально на все.

Все шло размеренно и по плану, пингвины через два часа должны были услышать призывный стук бубна, который, проникая в подсознание, вызывал у пингвинов вкусовые ощущения Чаю и визуальные картины шариков. Тогда они теряли всякий разум и совершали столь дикие выходы как перелеты с полюса на полюс и поедание Чаю.

Но в этот раз Белый Негр не учел одно существенное обстоятельство: воздушные шарики приводили к экстазу не только пингвинов, но и почечек, носящихся по Арктике толпами, и про которые ничего не знал Белый Негр. На льду видно их не было, а писк Белый Негр не слышал, так как ему в Чаде крокодил слух попортил. Эти почечки, увидев шарики, восторженно распищались (они вообще были довольно жизнерадостными созданиями) и кинулись к Белому Негру, к которому шарики были прикреплены. Белый Негр, не ожидавший такого поворота событий, испугался и в ужасе восстановил свой природный цвет. Вот тут-то его и увидел Лыжник-На-Снегу. Далее последовала безобразная сцена, во время которой бубен сломался, шарики улетели, костер потух, а табак просыпался. Пингвины об этом ничего не знали, они вернулись к рыбе и безмятежному существованию в Антарктике.

Каскин наклонился к Кэрол с целью поцелуя в губы, когда его намерение прервал телефонный звонок. Он все же завершил начатое, а потом услышал крики взбудораженного Вайзберга:

- Все!
- Опять все сожрали? – спросил Каскин, глядя на Кэрол, как гладиатор на револьвер.
- Нет! Мы собрали урожай!
- Отлично, – ответил Каскин в пустоту, Вайзберг уже звонил Нуркину.
- Мы собрали урожай, – сообщил Каскин Кэрол.
- Здорово, – сказала Кэрол, – может ты продолжишь?

- Сажать! Теперь только сажать! – воскликнул ОЗО. – Мы заработаем кучу денег!
- Сажать! Сеять! Завтра же! – крикнул Нуркин и пихнул Вайзберга в плечо.
- У меня идея, – отозвался Вайзберг.
- Да? И какая? Плантации?
- Нет, – ответил Вайзберг, – придонные кроты.
- Кто?? -о?? -о?
- Придонные кроты. Они живут в дне Тихого океан на глубине трех километров.
- От поверхности воды или дна? – спросил Каскин.
- Воды. Как домашние животные они обладают неоспоримыми профилактическими и целебными достоинствами.
- Придонные кроты? – бездумно спросил Нуркин. – А Чай?
- А что Чай? Продадим, купим пару батискафов, – все больше загораясь начал Вайзберг. – Кораблик там, небольшой...

Продолжение в повести «Придонные кроты».

Новый год

I часть

Лето. Или осень, хотя, может быть, была весна. Никто толком вспомнить не мог. Но я точно знаю, что была зима. Однако вы учтите, что с памятью у меня не совсем хорошо, не то чтобы провалы, а какие-то подмены событий. Помню, например, как гулял в саду. Летнем. Один. А мне потом говорят, что в это время я с друзьями в лесу водку пил. И притом зимой. А? Вот как это бывает? А вот еще помню как ездил. Куда? Да не суть. Просто ездил. Хорошая была поездка. Ну так вот. Была зима, точно помню. Зимой это мы с Мари купили туристическую путевку «Новый Год в Атлантике». Мероприятие, надо сказать, занятное. Суть, по описанию турагентов, состояла в следующем. Судно под названием «Лузитаник» набивали пассажирами и отправляли в Атлантический океан. Там вот посреди этого океана все встречали Новый год. Офигительная идея! Вокруг вода, тебе, рыбки, луна, звон бокалов, и ни души на сотни миль! Сногсшибательно! Только повелись на эту занимательную идею одни отмороженные. Помню, один был профессором. Натуральным ученым. Спец по археологии. Он нам такие штуки рассказывал, что просто не верилось. Да и сейчас не верится. И всем, кому рассказываю, тоже не верится. Говорю, значит, археологи, они же как, так сразу оппаньки и привет за здорово живешь. А они сначала не понимают, а потом не верят. Так потому и не верят, что не понимают. Ни фига в археологии не рубят! Не отражают никакой археологической действительности! Совершенно не держат себя в руках! Я просто в возмущении от таких, блин, мероприятий!..Ну ладно. Больше не трясет. Меня, когда возмущаюсь, прямо так и трясет сильно. Что твой студень, если его потрясти посильнее. Помню, трясся последний раз, когда мы с Мари на борт этого, с позволения сказать, судна поднялись. Мари немного поскользнулась и брякнулась прямым на палубу. Ну и, понятно дело, извазюкалась по полной. Вся в каких-то грязюках была. Ужасно смешно! А я все видел! Это стюард, чтоб ему пусто было, уронил кусок масла. Да не хилый такой кусок-то, с кило будет. А Мари этого кусочка-то и не заметила! Ну и бубухнулась на палубу. Тут все глаза свои выпучивали, стоят, смотрят, а стюард, что меня и возмутило, кусок уронил, и не предупредил, ни звуком не дал понять, что масло на палубе валяется! И упил, блин, по своим делам! Прибабахнутый, в общем. Там они, эти стюарды, все прибабахнутые были. Один, например, все книги читал. Ему бегать надо, суетиться, а он, нате пожалуйста, книги читает! Учебник по морскому делу. Это нормально? Курсы, там, галсы, куда руль крутить, ну и все в таком же духе. Мари, правда, говорила, что это капитан наш, но я не поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.